

— Что с тобой? — забеспокоился учитель Вэй, поспешно выходя навстречу. — Почему щеки так вспыхнули? Не заболел часом?

— Нет, — Цзянь Мяо покачал головой и чуть крепче сжал в ладони маленький календарь. — Учитель, можно мне забрать его?

Учитель тепло улыбнулся:

— Знаешь, зачем я берег его столько лет? Мечтал, что однажды ты вернешься и заберешь с собой эту частичку своей неразумной юности.

Пальцы Цзянь Мяо сжались вокруг заветных листочков.

— Спасибо, учитель, — с глубокой искренностью произнес он. — Обещаю, подобного больше не повторится.

Закончив помогать учителю, Цзянь Мяо получил новое сообщение — от бывшей одноклассницы, которая тоже приехала навестить родные стены.

[Сян Нуань: Цзянь Мяо, ты уже пришел? Я застряла на КПП, охранник не пускает, а до учителя не могу дозвониться.]

Ответив кратким «сейчас буду», Цзянь Мяо попрощался с учителем Вэй.

У самых ворот его ждала девушка в длинном платье.

Они с Сян Нуань не были близки — так, числились друг у друга в контактах. Разъяснив ситуацию дежурному, Цзянь Мяо провёл её на территорию.

— Давно не виделись, — улыбнулась Сян Нуань, здороваясь. — Как твои дела?

Цзянь Мяо кивнул, ответив столь же лаконичным приветствием.

Сян Нуань уезжала учиться за границу и теперь, вернувшись в страну за вдохновением, решила заглянуть в родную школу.

Первым делом они направились к своему прежнему кабинету. Из-за перепланировки парты и стулья оттуда давно вывезли, превратив помещение в пустую аудиторию.

— Ах, какая ностальгия! — Сян Нуань подошла к доске и касанием пальцев задела желобок для мела. — Мы ведь раньше постоянно тут разрисовывали всё.

Цзянь Мяо лишь сдержанно улыбнулся, но взгляд его уплыл за окно.

— Это же было твое место, да? — Девушка шагнула к подоконнику в заднем ряду. — Помнится, на уроках ты вечно смотрел во двор.

Цзянь Мяо слегка замер. Поняв, как двусмысленно прозвучали её слова, Сян Нуань тут же замахала руками:

— Ой, нет-нет, я вовсе не то имела в виду! Просто ты всегда держался особняком, вот я поневоле и обращала внимание. И заметила, что ты постоянно глядел наружу.

Она подошла к окну и с удовольствием потянулась:

— А ведь отсюда действительно прекрасный вид. И свет отличный, и пейзаж хорош — если глянуть чуть ниже, даже баскетбольную площадку видно.

Баскетбольная площадка.

Цзянь Мяо тоже подался ближе к стеклу. Лишь теперь он вспомнил, что в выпускном классе действительно частенько заглядывался на улицу.

Тогда раскидистый баньян под окнами ещё не обрезали, и его густая крона подступала к самому стеклу. Если присмотреться, можно было разглядеть, как сквозь сплетение листьев пробиваются снопы солнечного света.

Цзянь Мяо казалось, что это невероятно красиво: видеть четкий рисунок прожилок на тянущейся к солнцу листве, пляску мелководной пыли в воздухе... и одинокую, похожую на дикого волка фигуру на старой площадке у самого края.

За корпусом искусств располагалось сразу несколько баскетбольных площадок, но той, что находилась с самого края справа, никто не пользовался. Щит там от времени перекосило, стойка покрылась ржавчиной, да ещё и густая тень от деревьев заслоняла обзор, так что эту площадку давно списали со счетов.

Однако каждую среду, на втором уроке после полудня, там неизменно появлялся один и тот же парень и гонял мяч.

Преподаватели по живописи твердили, что художник обязан обладать зорким глазом и умением наблюдать. И поначалу Цзянь Мяо относился к нему исключительно как к объекту для набросков.

Юноша был поджарым, но вовсе не выглядел хрупким; высокий, длинноногий, он невероятно

грациозно взмывал в прыжке к кольцу.

Он не всегда оставался в одиночестве... Часто мимо проходили старшеклассницы, нарочно замедляя шаг, чтобы посмотреть на его игру.

Но юноша ни разу не обернулся на девичьи возгласы.

Пару раз Цзянь Мяо даже видел, как девушки набирались храбрости, подходили прямо к нему и протягивали бутылки с водой. Это робостное напряжение ощущалось даже отсюда, с высоты третьего этажа.

Парнишка лишь сдержанно кивал и никогда не принимал подношений.

В конце концов девушки перестали вручать воду лично. Вместо этого они утайкой оставляли бутылки на каменной скамейке возле заброшенной площадки.

К концу второго урока по средам эта скамья всегда оказывалась завалена самыми разными напитками.

Это было похоже на немую сцену, регулярно разыгрывавшуюся по расписанию, и она невольно отвлекала Цзянь Мяо в те смутные, туманные дни. Словно в пресную, как диетический бульон, жизнь добавляли щепотку интриги.

Ему просто стало любопытно: когда же этот парень бросит свою затею со старой площадкой?

И сам того не замечая, Цзянь Мяо провёл весь выпускной год, вырастив это любопытство пышным цветом — прямо как тот баньян за окном.

Жаль только, из-за игры света и тени разглядеть лицо парня так и не удалось. Цзянь Мяо беззвучно сверял расписание всех классов параллели, но так и не нашёл никого, кто бы подходил.

Позже он всё же набрался смелости и решил познакомиться. Купил в киоске воду и пошёл к площадке, но по пути наткнулся на Дуань Сюя.

Не желая, чтобы тот догадался, кого он ждёт, Цзянь Мяо просто торопливо поставил бутылку на ту самую скамейку.

Пусть им не суждено встретиться лицом к лицу, ему хотелось оставить свой собственный след.

Даже если этот след в итоге затеряется среди чужих знаков внимания.

В тот день из-за дополнительных занятий по специальности Цзянь Мяо смог освободиться только к девяти вечера. Когда он пришел к площадке, оказалось, что проржавевшие конструкции признали аварийными — их решили демонтировать и заменить новыми, а саму территорию обнесли лентой.

А когда старую площадку снесли и отстроили заново, тот парень больше ни разу там не появлялся.

Если задуматься, то единственным человеком, к которому Цзянь Мяо в школьные годы испытывал нечто похожее на романтическую симпатию... был именно тот юноша.

Возможно, дело было в азарте наблюдения, а может — в легком сожалении от так и не сказанного «привет».

И хотя сейчас эта история казалась немного грустной, на самом деле Цзянь Мяо даже не мог вспомнить, какой именно напиток он тогда купил.

Обернувшись на взгляд Сян Нуань, Цзянь Мяо слегка кивнул:

— Ага. Когда мы писали этюды, мне всегда казалось, что эти тени от кроны смотрятся невероятно поэтично.

Сян Нуань поглядела на него пару секунд и тихонько усмехнулась:

— Вот как? Выходит, у тебя уже тогда был такой утонченный вкус? Знай я это раньше, обязательно подошла бы познакомиться.

С этими словами девушка протянула ему руку:

— Впрочем, ведь и сейчас не поздно, верно?

На губах Цзянь Мяо скользнула едва заметная улыбка:

— Конечно. Только у меня синдром кожной жажды наоборот — я избегаю касаний. Так что давай без рукопожатий.

Сян Нуань изумленно охнула:

— Так вот почему ты всегда нас сторонился!

Девушки чутки по своей природе, и стоило найти зацепку, как в памяти всплыли все эпизоды

его замкнутости. Впрочем, ворошить прошлое смысла не было, и Цзянь Мяо не стал углубляться в подробности.

Тем временем новоприбывшие абитуриенты начали собираться в малом актовом зале. Когда Цзянь Мяо и Сян Нуань подошли туда, оказалось, что руководство школы организовало всё крайне торжественно.

— Пропала я... Я-то думала, мы просто постоим перед парой классов, пару слов скажем. Даже черновик речи не набросала, — занервничала Сян Нуань.

— Ничего страшного. Младшим всё равно не хотелось бы слушать сухие заученные фразы, — успокоил её Цзянь Мяо, хотя у самого на душе кошки скребли.

— Все в сборе? Заходите, — поманил их из задней двери актового зала классный руководитель. — Там завуч толкает напутственную речь, подождите пока в конце зала.

Учитель провел их внутрь. Цзянь Мяо поднял взгляд и увидел, как лысеющий завуч вовсю вдохновляет выпускников примерами успехов прошлых лет.

— Помните, когда вы поступали в прошлом году, вам безумно понравился презентационный ролик Шестнадцатой школы? — Завуч сделал паузу, и на большом экране зажглось видео.

Цзянь Мяо помнил этот ролик. Поговаривали, его сняли к двадцатилетию школы, и он имел огромное значение. Однако снят он был давно, корпуса с тех пор успели отреставрировать, и у нового поколения этот фильм вызывал разве что чувство отчуждения.

В свое время Цзянь Мяо выключил его на середине — стало скучно.

Он уже собрался опустить глаза, как вдруг слух зацепило звонкое птичье чириканье. Цзянь Мяо поневоле взглянул на экран и обнаружил, что презентационный ролик полностью обновили.

Кадр начался с птицы, снующей по утреннему стадиону, но точка съемки находилась у самого дерна — непривычно низко.

И лишь когда «камера» в следующем кадре взмыла по ступеням, пытаясь сцапать пернатую, Цзянь Мяо догадался... Новый проморолик Шестнадцатой школы был снят от лица кота.

Хотя сам пушистый оператор в кадре так и не появился, по этой вальяжной, дерзкой манере движения и чуть покачивающейся «походке» сомнений не оставалось: мы смотрим на мир глазами усатого бродяги.

За кадрами с охотой на птиц и бабочек последовало утро: ученики тянулись из общежитий в учебный корпус.

Кот проинспектировал столовую, заглянул в кабинет под трель звонка, а дежурный учитель, спешивший проверить посещаемость, на ходу не забыл почесать зверюгу за ухом.

В кроне деревьев за окном что-то зашуршало, и объектив вслед за легким шагом кота переместился к корпусу эстетического воспитания.

В этот момент ракурс сменился, впервые показав самого героя.

Им оказался знаменитый школьный «Кот Хулиган» — упитанный полосатый табби.

Вот он цепляет лапой воланчик у дверей инвентарной, вот под звуки фортепиано шествует мимо портрета Бетховена, валяется на газоне в центре стадиона и, наконец, словно хозяин, осматривающий владения, минует задние двери.

На этом обзор школы фактически завершился.

В финале зритель вновь возвращался к кошачьему взгляду на мир. Кот провожал взором очередную стайку выпускников и усаживался в тени деревьев возле баскетбольной площадки, замирая в тишине опустевшего двора.

В груди у Цзянь Мяо что-то дрогнуло.

Место, где приютился кот... было той самой старой баскетбольной площадкой. До реконструкции.

Из колонок донеслось мягкое кошачье мурлыканье. Камера, будто опасаясь потревожить засыпающего зверя, плавно поплыла вверх, скользнула по окнам и дверям выпускного класса и замерла, уткнувшись в ослепительно белое, чистое небо.

Коротенький, но невероятно цельный фильм. Он с поразительной тонкостью передал путь от рассвета до заката, от шумных уроков до звонкой тишины, вместив в себя драгоценные три года чьей-то юности.

Необычно, душевно и очень тепло.

Цзянь Мяо тихо спросил у Сян Нуань:

— Когда это сняли?

— Уже после нашего выпуска, — шепотом ответила та. — Теперь понятно, почему в последние два года конкурс к нам взлетел до небес. Ролик — просто загляденье!

За эти пару минут видео создало настолько потрясающую атмосферу, что даже у нее, выпускницы, защемило сердце от желания вернуться в школу. Что уж говорить об абитуриентах.

— И кстати, в самом конце кот ведь сидел аккурат на той площадке, про которую мы только что говорили? — удивилась Сян Нуань. — Такое чувство, будто он гипнотизировал именно наш кабинет.

Цзянь Мяо тоже это заметил. В финальном кадре камера действительно на мгновение задержалась на их окнах. Впрочем, это мог быть случайный ракурс — мало ли уголков попадает в объектив.

... И все же Цзянь Мяо почему-то показалось, что в этом акценте заложен особый смысл.

На сцене завуч распался все сильнее, и голос его гремел от восторга:

— Этот ролик вошел в десятку лучших презентационных фильмов учебных заведений! А снял его наш собственный ученик! Парень, который в прошлом году поступил в Университет S с высшим баллом по специальности... ваш старший товарищ, Цзянь Яньчжоу!

— В смысле?! Это снял Цзянь Яньчжоу?! Так это же было сразу после нашего выпуска! Он тогда в десятом классе учился, что ли? — Сян Нуань едва не подпрыгнула. — Я-то думала, нанимали профессионалов! Ничего себе наши дают... Неудивительно, что завуч чуть из штанов не выпрыгивает!

Пока Сян Нуань изумленно ахала, Цзянь Мяо не мог выбросить из головы тот самый финальный кадр...

Если этот ролик — работа Цзянь Яньчжоу, то почему в самом конце он направил камеру со старой площадки именно на окна выпускного класса?

— Вы посмотрели работу вашего выдающегося предшественника, а теперь я прошу двух наших замечательных выпускников подняться на сцену и поделиться опытом подготовки и воспоминаниями о старших классах!

Завуч действовал строго по регламенту. Под аплодисменты младших Цзянь Мяо и Сян Нуань поднялись к трибуне.

Хотя мероприятие именовалось «дележкой опытом», атмосфера оставалась непринужденной. Школьники в основном расспрашивали про университетскую жизнь и делились типичными

подростковыми страхами.

Цзянь Мяо отвечал кратко и по делу. Благодаря его чистому, спокойному голосу и собранности, лес рук в зале не редел.

Когда встреча подошла к концу, Сян Нуань со смешком заметила:

— А симпатичные парники у нас в неизменном приоритете! Видел, как ребята не хотели тебя отпускать?

Цзянь Мяо лишь сдержанно улыбнулся:

— Просто большинство планирует поступать в отечественные вузы.

Сян Нуань слегка вздохнула, будто сожалея о чем-то:

— Жаль, что из наших приехали только мы вдвоем. Когда завуч крутил ролик, я грешным делом подумала, что и Цзянь Яньчжоу заглянет. А он просто похвастался.

Девушка понизила голос:

— Хотя логично. Он ведь теперь звезда на режиссерском, наверняка на каникулах пашет на каких-нибудь съёмках. Откуда у него время?

Цзянь Мяо выждал паузу и тихим тоном уточнил:

— Цзянь Яньчжоу... он что, был так знаменит в нашей школе?

Сян Нуань поперхнулась и уставилась на него взглядом «ты что, из леса вышел?»:

— Естественно!

... Вот уж действительно — «естественно».

— О, я тут вспомнила! По-моему, Цзянь Яньчжоу даже сдавал вступительные прямо тут. Его фоторамка с зачисления в Университет S потом еще долго висела на стене признаний Шестнадцатой школы, — Сян Нуань принялась листать ленту в телефоне и быстро отыскала нужный пост.

На снимке Цзянь Яньчжоу был в черной кепке и маске, запечатленный в момент выхода из

машины. Опустив ресницы, он не смотрел в объектив, но от всей его фигуры веяло непередаваемым благородством и скрытой силой.

— Эту фотку тогда репостили абсолютно все! Видишь, кто там в салоне сидит? Цзянь Ваньли! И при этом Цзянь Яньчжоу своей аурой полностью затмевал родного брата-суперзвезду!

Сян Нуань зашлась в каскаде восхищенных похвал, но, обернувшись и увидев растерянное лицо Цзянь Мяо, удивленно изогнула бровь:

— Ты что, реально не знал, насколько он был популярен?

—... Не особо вникал, — Цзянь Мяо в те годы действительно жил в полном отрыве от школьных сплетен.

— Короче, про Цзянь Яньчжоу даже ходила ходовая поговорка: «Хочешь попить водички от поклонниц? Пойди подбери то, что не взял Цзянь Яньчжоу». Слыхал?

— Это как?

— Девушки несли ему столько воды, что бутылками заставляли всю каменную скамейку! — пояснила Сян Нуань. — Ну, ту самую, на старой площадке. Это место все так и звали — фан-зона Цзянь Яньчжоу.

—... Цзянь Яньчжоу? — переспросил Цзянь Мяо.

Почуввав неожиданную эмоцию в его голосе, Сян Нуань моргнула:

— А?

—... Парень, который постоянно играл на старой площадке — это был Цзянь Яньчжоу.

Сказав это, он вдруг тихонько усмехнулся. Голос его прозвучал невесомо:

— Так вот кто это был... Почему же кругом один Цзянь Яньчжоу?

— Что-что? — Сян Нуань окончательно потеряла нить.

— Ничего, мне пора, — Цзянь Мяо нащупал в кармане телефон. — Прости, появились дела. До встречи.

Выйдя за школьные ворота, Цзянь Мяо прибавил шаг, охваченный беспричинной спешкой.

... Зачем он так торопился? Он и сам толком не понимал.

Просто в нем вспыхнуло дикое желание вернуться домой и отрыть тот самый шарф Цзянь Яньчжоу.

Это ощущение было удивительнее, чем обретение утраченного. Словно... подарок, о котором ты мечтал давным-давно, внезапно и беспрепятственно опустился прямо тебе в руки.

Былые сожаления растворились в невероятной близости настоящего.

Однако стоило ему отойти от школы, как тишину улицы разбил резкий звонок телефона.

Цзянь Мяо пробило нехорошим предчувствием. Мелодия, которую он так любил, в эту секунду обратилась удушливой петлей на шее, пригвоздив его к месту.

Имя на экране мгновенно сбило весь праздничный настрой, опустив температуру до нуля.

Цзянь Дунчэн.

Его отец.

— Что, даже номер мой не сохранил? — Стоило принять вызов, как глухой, давящий голос отца обрушился на барабанные перепонки подобно тупому молоту. — Или решил, что если не живешь в этом доме, то можно окончательно оборвать все концы?

— Нет, — ледяным тоном отозвался Цзянь Мяо. — Что-то случилось?

— Случилось. Твоя мать кое-что передала. Ты где? Я пришлю Дядюшку Чэня, чтобы забрал тебя.

— Не нужно. — Цзянь Мяо сбросил звонок.

В груди словно вонзилось жало скорпиона, мгновенно выжегшее все светлые чувства.

Поездка на такси заняла полчаса.

Стоило Цзянь Мяо высадиться у особняка, как ему навстречу порхнула хрупкая фигура.

— Эм... ты ведь Мяо-мяо, верно? — Голос девушки звучал мягко, с наигранной сладостью.

Цзянь Мяо мазнул по ней взглядом. Перед ним стояла девица едва ли старше его самого.

В самом расцвете молодости, она была густо покрашена и одета в подчеркнуто взрослые, тяжелые вещи.

... Все строго по лекалам вкусов Цзянь Дунчэна.

Заметив его молчание, девушка смутилась, но быстро взяла себя в руки:

— Меня зовут Чу Кэ. Я... твой папа попросил меня встретить тебя.

Цзянь Мяо лишь опустил длинные ресницы. Он не произнес ни слова, но Чу Кэ физически ощутила, какая ледяная стена их разделяет.

Перед его приездом Цзянь Дунчэн шутливо предупреждал ее, что у сына невыносимый характер.

Чу Кэ невольно решила, будто речь идет об избалованном барчуке с замашками капризного барчука, возможно, слегка вспыльчивом.

Но она никак не ожидала такого мертвого холода.

— Твой папа ждет в гостиной, — Чу Кэ семенила следом, явно пытаясь завязать разговор. — У него сегодня день рождения, на кухне приготовили все его любимые блюда. Может, ты тоже чего-то хочешь? Я могу попросить...

— Госпожа Чу, — чеканя слова, перебил Цзянь Мяо, даже не обернувшись. — Вам должно быть известно, что наши отношения с ним далеки от идеала. И вместо того чтобы тратить силы на угодничество передо мной, лучше подумайте, как уберечься от момента, когда он снова найдет себе кого-нибудь посвежее.

Чу Кэ не ожидала такой беспощадной прямоты. Лицо ее мгновенно пошло пятнами, а когда она опомнилась, юноша уже переступил порог гостиной.

Цзянь Дунчэн восседал во главе стола. На нем была сдержанная белая рубашка и безупречно скроенная черная жилетка, подчеркивавшая подтянутую фигуру. Взгляд отца, не обращенный на сына напрямую, тем не менее разил хищной коршуной зоркостью. От него веяло не столько авторитетом, сколько тяжелым, подавляющим гневом.

Сняв очки, мужчина медленно поднял тяжелые веки:

— Лао Чэнь передавал, что после моего отъезда ты здесь больше не ночуешь?

Цзянь Мяо небрежно выдвинул стул и сел, сохраняя полное равнодушие:

— А что, этот дворец настолько хорош, чтобы в нем обязательно дежурила живая душа?

Цзянь Дунчэн издал сухой, ядовитый смешок:

— Вот как? А я-то грешным делом подумал, будто ты сбежал отсюда из страха, что я стану за тобой следить.

Краска окончательно сошла с лица Цзянь Мяо, но он не выдал эмоций. Лишь молча принялся за еду.

Так продолжалось до тех пор, пока тишину не нарушил звон упавшей на паркет ложки. Цзянь Мяо медленно поднял голову.

Он не знал, что именно натворила Чу Кэ, но девушка с жалкой миной смотрела на Цзянь Дунчэна, тихонько лепеча извинения.

Цзянь Дунчэн прищурился и с ленивой грацией положил ладонь ей на затылок. Он поглаживал ее шею, словно трепал породистую собаку, но глаза его оставались прикованы к сыну.

Цзянь Мяо встретил его взгляд с холодным спокойствием, хотя боковым зрением видел, как Чу Кэ бьет мелкая дрожь.

Это был чистый, животный страх, который невозможно спрятать ни за какой натянутой улыбкой.

... И в ту же секунду перед глазами Цзянь Мяо вспыхнул темный фрагмент прошлого.

Ночь. Ему шестнадцать. Он лежит на кровати, парализованный ужасом, пока Цзянь Дунчэн с озверевшим лицом прижимает к его подушке очередную женщину.

«Мяо-мяо, она так старательно пыталась тебя соблазнить. Сделай одолжение, взгляни на нее хоть разок?»

...

Цзянь Мяо еще не успел сбросить оцепенение, когда в прихожей раздалась трель дверного звонка.

Цзянь Дунчэн неторопливо убрал руку с шеи Чу Кэ:

— Открой.

Протерев салфеткой сочные губы, Чу Кэ послушно кивнула:

— Хорошо.

Вскоре в гостиную прошёл мужчина в строгом костюме.

— Прошу прощения за опоздание, господин Цзянь.

Цзянь Мяо узнал его — это был личный адвокат отца.

Цзянь Дунчэн отложил серебряную вилку и едва заметно кивнул юристу.

Перед Цзянь Мяо лег документ о дарении недвижимости.

— Недавно я пересекался с твоей матерью за границей, — произнес Цзянь Дунчэн с мягкой, почти ласковой улыбкой, от которой веяло смертельным ядом. — Столько лет прошло, а она всё так же прекрасна.

В его голосе проскользнула фальшивая ностальгия, но глаза оставались льдисто-жестокими.

— Она просила передать... что хочет оставить этот дом тебе. Как-никак, наш бывший семейный очаг. И «дом», который она проектировала собственными руками.

Чу Кэ молча слушала. Она знала о масштабах состояния семьи Цзянь и понимала, что какой-то особняк для Цзянь Дунчэна — капля в море.

Но она никак не могла взять в толк: зачем ради такой мелочи устраивать целый спектакль и привлекать её, постороннего человека?

И прежде чем она успела додумать эту мысль, раздался ледяной, исполненный сарказма голос юноши:

— Надо же, вы назвали это место «домом»? А я-то решил, что вы построили его как бездну для

взаимной мести.

Бездна... Цзянь Мяо еще выразился мягко.

Для него этот дом был настоящим адом.

В этой клетке из бетона и кирпича он, будучи лишь побочным продуктом чисто материального брака, стал свидетелем того, как два человека методично истязают друг друга.

Та женщина сделала всё, чтобы отторгнуть Цзянь Мяо, дав ему сполна понять, насколько несчастен ребенок, рожденный без любви.

А Цзянь Дунчэн изошрялся в своей извращенной мести, приводя сюда бесконечных девиц, чтобы осквернить это так называемое «семейное гнездо» и измазать каждую ступеньку грязью предательства.

И теперь эти двое «родителей» вешают на пропитанное кровью и ложью место ярлык его «дома»?

— Что, встретил её за границей и взбесился, что она живет счастливее тебя? Решил отыграться на мне? — чеканя слова, произнес Цзянь Мяо. — Жаль тебя расстраивать, но я давно перестал её ненавидеть.

Он бросил серебряную ложку на стол и повернулся к адвокату:

— Ладно. Оформляйте быстрее на мое имя. В конце концов, от денег не отказываются.

С этими словами Цзянь Мяо поднялся и, не оборачиваясь, вышел прочь — прямо в сырую ночную тьму.

Он брел по улице как во сне. Ноги казались налитыми свинцом, словно он увязал в вязком болоте, опускался все глубже и глубже.

Лишь завидев у ограды кусты с нежно-фиолетовыми соцветиями вероники, Цзянь Мяо замер. Он только сейчас осознал, что на автомате пришел к дому семьи Дуань.

В средней школе, во время летних каникул, когда его мучили кошмары, он каждую ночь убегал сюда и сидел на ступенях крыльца.

Тогда он часами всматривался в чужие темные окна, пытался представить: каково это — жить в «нормальной» семье?

И тогда госпожа Дуань зажигала для него свет.

Цзянь Мяо медленно поднял голову. Окно, в котором для него всегда горел мягкий абажур, сейчас было плотно задернуто тяжелыми шторами. Темнота.

Больше никому зажечь свет, чтобы разогнать его кошмары.

Динь-дон!

Экран смартфона неожиданно вспыхнул в кармане, став самым близким и ярким лучиком в этой тьме.

Пришло сообщение.

Цзянь Мяо снял блокировку. Свет экрана рассеял мрак вокруг. Это был Цзянь Яньчжоу.

[Цзянь Яньчжоу: Меня запомнили.]

Следом шла фотография.

На ночной школьной аллее рыжий кот Цюцю вальяжно развалился на широкой ладони, блаженно зажмурившись.

А следом прилетел еще один снимок.

Кота в кадре уже не было — только длинные, изящные пальцы... на которых алели два свежих круглых отпечатка от зубов.

[Цзянь Яньчжоу: И снова цапнули.]

<http://bllate.org/book/19975/1991512>